

Глава 7

Многое ли изменилось?

С момента распада СССР миграция, экономическое развитие и технологический прогресс не внесли существенных изменений в показатели размещения населения Российской Федерации. Целевые программы перемещения людей из наиболее отдаленных и приграничных регионов на так называемых *северных территориях* мало повлияли на размещение: мигранты, в большинстве своем, переселялись куда-нибудь в границах той же Сибири. Новые средства связи, такие как Интернет, оказали ограниченное влияние на создание новых связей и уменьшение расстояний между населенными пунктами.

Многие западные и российские эксперты утверждают, что в последнее десятилетие в России *начался* процесс самокоррекции, – стали обращать внимание на нерациональное использование ресурсов в советском прошлом и поправлять положение. Это, говорят эксперты, имело место в трех ключевых областях. Во-первых, увеличилась миграция, особенно из регионов российского Дальнего Востока и Севера, значение которых слишком переоценивалось планированием. Во-вторых, были разработаны новые технологии связи. В третьих, в Европейской России, особенно в Москве, наблюдается экономический рост.

По первому пункту некоторые аналитики отмечали, что в 1990-х годах переход к рыночной экономике стал менять российскую экономическую географию, поскольку россияне стали двигаться из регионов на Севере и Дальнем Востоке на юг и запад¹. Освобожденные от запретов советской эпохи россияне «голосовали ногами», двигаясь поближе к Европе и теплему климату, уплотняя население и его «связанность» в масштабах страны. Многие аналитики считали, что Север является действительно проблемным регионом – из-за климата, удаленности и обусловленного ими глубокого экономического кризиса этой территории. В связи с этими негативными явлениями появились и позитивные сдвиги – люди стали уезжать. Общая численность населения региона, отнесенного Всемирным банком к российскому Северу, за период между переписями 1989 и 2002 годов уменьшилась более чем на 14 процентов. Восемь из пятнадцати северных регионов потеряли свыше 20 процентов своего населения, а два – Магадан и Чукотка – потеряли 53 и 66 процентов соответственно (см. таблицу В-1 в приложении В)². В ноябре 2001 го-

да Министерство РФ по делам национальностей и федеративных отношений (восстановленное как Министерство регионального развития в сентябре 2004 года) сообщало, что с 1991 года северные (в широком смысле) регионы покинуло свыше миллиона человек³.

По второму пункту российские эксперты утверждали, что, поскольку люди стали передвигаться по России и Север теряет свое население, для тех, кто остается в Сибири и на российском Дальнем Востоке, расстояние сократится за счет новых технологий. Электрификация Транссиба (завершенная в 2002 году), расширение региональных авиамаршрутов с одновременным прекращением регламентирования российских авиалиний и прорыв в области телекоммуникаций, включая распространение персональных компьютеров, Интернета и сотовых телефонов, – все это преобразовало Российскую Федерацию в 1990-е годы и привело к более тесному и быстрому общению россиян друг с другом и внешним миром. Ведущий корреспондент газеты «Вашингтон пост» Роберт Кайзер (Robert Kaiser), рассказывая о своей поездке по Сибири, отмечал, например, наличие Интернет-кафе в большинстве мест, что он посетил. «Благодаря Интернету, – утверждал он, – сибиряки стали по-настоящему частью современного мира, более не отрезаны от европейской части России и зарубежных стран, как это было на протяжении почти четырех столетий. Сейчас они подключены к информационным источникам во всем мире... Сибиряки более не чувствуют себя прозябающими в забытом уголке земли»⁴.

Наконец, многие люди рассматривают бесспорное и разительное преобразование столицы России как индикатор экономического роста и прогресса в европейской части, если не Российской Федерации в целом. Москва стала основным центром развития в сфере обслуживания и «новой экономике» в России и потому привлекательным объектом для большей части прямых иностранных инвестиций. Экономика Москвы, растущая с 1993 года, стала привлекать к себе еще и большую часть отечественных мигрантов. Нынешняя Москва – магнит российской миграции, притягивающий волны переселенцев со всего бывшего Советского Союза. Предварительные данные российской переписи населения 2002 года показывали, что численность жителей города возросла до 10,4 миллиона постоянных жителей, что превышает предыдущие официальные подсчеты правительства почти на 2 миллиона человек⁵. По переписи в Москве зарегистрированы еще 3 миллиона «нерезидентов»*

* Р е з и д е н т – здесь: лицо, зарегистрированное и постоянно проживающее в данной стране, на которое в полной мере распространяется национальное законодательство. (Прим. ред.)

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

или неофициальных резидентов, увеличивающих общую численность жителей до 13,4 миллиона человек⁶ – около 9 процентов населения России.

Из всего вышесказанного, казалось бы, можно сделать вывод, что в 1990-х годах в результате сочетания миграции, переселения людей с Севера, новых технологий и роста Москвы российские проблемы перемещения и ненадлежащего расселения наконец стали разрешаться. К несчастью, при ближайшем рассмотрении отнюдь не все эти данные свидетельствуют о правильности выбранного направления. Мы утверждаем, что в результате всех изменений 1990-х годов в России фактически не происходит самокоррекции. При этом изменения происходят медленно и не всегда приносят однозначные результаты.

Миграция в России – сложное явление, в котором проблемы Севера значительны, но не уникальны. Воздействие развития новых технологий остается под вопросом, а Москва – скорее исключение, подтверждающее правило, чем путеводная звезда для развития остальной России. Москва – не пример для подражания, ведь она неспособна поделить своими выгодами с остальной страной. Вместо того чтобы прокладывать путь вперед, ее расцвет обнажает проблемы Российской Федерации. Москва имеет все, чего не имеет Россия в целом, включая концентрацию *новейших* технологий и инфраструктуры. Таким образом, основная проблема в том, как развить остальную Россию соразмерно Москве.

Россия в движении?

Статистика миграции показывает, что в 1990-х годах россияне стали уезжать из самых холодных регионов Российской Федерации и мигрировать по стране. То есть люди стали менять свое местожительство и продолжают его менять. По официальным данным, на декабрь 2002 года 27 миллионов человек (порядка 20 процентов населения), поменяли местожительство хотя бы один раз с 1991 года⁷. Однако известный аналитик Всемирного банка по миграции Тимоти Хелениак (Timothy Heleniak), отмечал, что для страны с почти 145 миллионами жителей 27 миллионов, сменивших свое местонахождение за десятилетний период – это не такая уж большая цифра⁸. Хелениак отмечал еще и тот факт, что пик миграции в России пришелся на середину 1990-х годов – сразу же, как только были сняты все ограничения советской эпохи по миграции с отменой внутренней паспортной системы в 1993 году. Впоследствии она довольно значительно уменьшилась⁹. Помимо вопроса о том, действительно

ли россияне стали мобильнее, надо задаться еще более важным вопросом миграционной статистики, а именно: важно знать, не только *откуда* переезжают люди, но еще и *куда* они переезжают.

Миграция в Южную Россию свидетельствует о позитивном развитии в российской экономической географии, так как люди едут в теплые и потенциально более плодородные места. И в самом деле, Северный Кавказ – часть Южного федерального округа – был одним из основных регионов-реципиентов миграции в Российской Федерации в 1990-х годах. Однако рост численности населения в этом регионе – не однозначно хорошая новость для эволюции российской экономики. На самом деле в ней таится негативная подоплека.

Миграция от безысходности: Северный Кавказ

Северный Кавказ включает в себя Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края и семь автономных республик (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея). На долю региона приходится около 2 процентов территории Российской Федерации, и в 1989 году его населяло 13 183 860 человек, или порядка 8 процентов российского населения. Северный Кавказ можно считать «солнечным поясом» России. Его зимы особенно мягкие (диапазон температур от +2° в январе в Сочи до –6° в Ростове-на-Дону), здесь расположены популярные российские здравницы: Сочи, Кисловодск, Пятигорск. Однако его нельзя назвать регионом, испытывающим «экономический бум»¹⁰. Северный Кавказ – преимущественно аграрный регион с преобладанием пищевой промышленности и сельскохозяйственного машиностроения. В начале 1990-х годов на его долю приходилась почти четверть российской сельскохозяйственной продукции¹¹. Тогда же наблюдался некоторый рост в приватизированных секторах промышленности, связанных с транзитом и транспортировкой разнообразных грузов, включая нефть и нефтепродукты, через региональные каспийские и черноморские порты. Несмотря на это, Северный Кавказ – регион, находящийся в сложном социальном и экономическом положении. Экономический рост и политическая консолидация не наблюдаются¹².

В советский период Северный Кавказ в значительной степени зависел от субсидий из Москвы. После распада СССР его рвали на части этнические конфликты и социальное переформирование: две войны в Чечне после 1994 года, война между Ингушетией и Северной Осетией в 1992 году и значительная напряженность в других этнически разьединенных регионах¹³. Русские и люди других нацио-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

нальностей бежали из автономных республик – особенно из Чечни, Ингушетии и Дагестана – в Краснодарский и Ставропольский края. Наплыв беженцев туда возник еще и из-за конфликтов в других бывших советских республиках – Армении, Азербайджане, Грузии и Таджикистане. Большинство мигрантов на Северный Кавказ можно причислить к экономическим мигрантам или к вынужденным мигрантам с Закавказья и из Средней Азии. Миграция в этот регион происходит в основном из стран ближнего зарубежья, а не из других регионов России. Это не результат переселения россиян из холодных и отдаленных мест на Севере или на Дальнем Востоке.

Миграция на Северный Кавказ напоминает иммиграцию в США из Гаити и Центральной Америки. Мигранты прибывали на Северный Кавказ от отчаяния, убегая в соседний регион от тяжелой экономической и политической ситуации. Погода и свойства почв на Северном Кавказе – также существенный фактор в принятии решения о миграции. Мягкий климат региона благоприятен для человеческого существования, а наличие сельскохозяйственных угодий со сравнительно длительным сезоном вегетации позволяет сводить концы с концами, обеспечивая переселенцам пропитание за счет обработки земли. Многих мигрантов привлекает туда возможность получения небольшого земельного участка¹⁴, а некоторые просто подыскивают себе постоянный приют в сараях или заброшенных домах. Такие жилища не способны обеспечить элементарное выживание в условиях суровой зимы, но для невысоких зимних температур на Северном Кавказе они вполне пригодны.

К 1998 году численность населения в Северокавказском регионе возросла более чем на 4 миллиона и составила 17 707 000 человек – порядка 12 процентов от численности населения РФ, – превратив его в самый плотнонаселенный регион России¹⁵. Частично этот рост численности произошел из-за высоких темпов естественного прироста жителей в некоторых автономных республиках с преимущественно нерусским населением. Но большая доля прироста была, вероятнее всего, следствием миграции¹⁶. В 1998 году, например, Северный Кавказ принял 248 000 мигрантов, из которых большинство осело в сельских регионах, а не в административных центрах и городах, из-за перспектив получения сезонных и иных видов сельскохозяйственных работ. Численность сельского населения в регионе в 1998 году возросла почти до 45 процентов с 43 процентов в 1989 году. Такой дисбаланс распределения населения между городом и селом полностью противоположен миграционным тенденциям в других современных сообществах и подчеркивает, что городские районы в регионе не создают достаточное количество новых рабочих мест для размещения новых мигрантов¹⁷.

Действительно, многие мигранты, переехавшие на Северный Кавказ в 1990-х годах, к тому же были еще и городскими жителями, вытесненными из других мест жительства и берущимися за более примитивную работу в сельских регионах. Миграция на Северный Кавказ приняла более примитивную форму, чем передвижение элит или городских профессионалов в поисках более тесных деловых связей с рынком. Это больше походило на бегство крестьян из-под центрального гнета в поисках земли на периферии, чем на типичную миграцию XXI века – из сельских регионов в городские. Более того, на Северном Кавказе миграция увеличила экономическую напряженность в одном из самых «хрупких» регионов Российской Федерации и не повысила производительность. По всем экономическим показателям, в 1998 году, например, учитывая доход на душу населения, средние заработки, покупательную способность и безработицу, жителям Северного Кавказа было далеко до аналогичных средних национальных показателей. И уровень бедности там тоже заметно увеличился в 1990-е годы¹⁸.

«Расселение» Севера

Что касается Севера, в вопросах миграции присутствуют и неопределенность, и сложность. Идея, что российские проблемы могут быть разрешены простым перемещением населения из наиболее отдаленных северных и дальневосточных поселений в другие места обширного Зауралья, – постулат российской государственной политики. Она же формирует и международное мнение по вопросу перестройки связей в России. Мнение основывается на том, что географически Сибирь – огромное пространство, но сравнительно мало заселенное и, конечно же, обремененное рядом сложных экономических обстоятельств.

Север в России – это изменчивое образование (см. приложение В). Статистика по Северу зачастую охватывает разные группы регионов в разное время и в различных целях. В советской литературе по планированию Крайним Севером считалось более 60 процентов территории Российской Федерации от Баренцева моря до Берингова пролива. Согласно определению, данному Северу Всемирным банком, которого придерживаемся в этой книге и мы, в 1989 году на Севере проживало 6,7 процента российского населения¹⁹. Хотя этот процент мал для территории такого размера, он в то же время чрезвычайно велик по сравнению с 1 процентом населения, проживающего в аналогичных регионах в западных странах, имеющих значительные северные территории.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Крупные поселения появились на Севере в 1930 году, когда были осознаны размеры и ценность материальных активов региона – его богатые и зачастую редкие минеральные ресурсы²⁰. Как и в большинстве добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности в советский период, ресурсы российского Севера первоначально эксплуатировались с использованием принудительной рабочей силы и системы ГУЛАГа. В 1970–1980-е годы Север стал притягивать рабочую силу в связи с запланированными гигантскими строительными и промышленными проектами. Сегодняшний Север – особенно «разобщен» даже по российским меркам. Там мало автотрасс и железных дорог для обеспечения связи между поселениями и между Севером и остальной Россией. Большую часть поставок приходится совершать авиарейсами из Европейской России или пароходами и баржами по речной системе региона. Основные виды телекоммуникации еще более проблематичны, если учесть тот факт, что 60 000 поселений на Севере вообще не имеют телефонной связи²¹. И действительно, сегодня одним из параметров официальной классификации территории, которая является частью такого более широкого понятия, как Север, является *частичная или полная недосыгаемость в течение 180 и более дней в году*²².

Согласно Константину Доценко, исполнявшему в 2000 году обязанности руководителя департамента по делам Севера Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ), это определение относится к любым регионам, с которыми нет железнодорожного сообщения²³. Недосыгаемость тех регионов Севера, где до поселений можно добраться только речным транспортом (или вертолетом), может быть полной большую часть года (например, Таймырский автономный округ).

Главный экономист Таймырского округа Виктория Морозова отмечала в 2000 году, что до некоторых поселений там можно добраться только в течение одной или двух недель в году, когда уровень сибирских рек достаточно высок для судоходства²⁴. В других регионах Севера, таких как Магадан, высокий уровень воды, напротив, создает большие проблемы для местных жителей. В марте 2001 года подъем грунтовых вод вынудил постоянных жителей одного из районов Магаданской области эвакуироваться из своих домов. Согласно сообщению ИТАР-ТАСС, грунтовые воды прорвались на поверхность, залили дома в регионе и превратили их в ледяные блоки.

Российский журналист так описывает впечатляющую картину тех решительных мер, которые пришлось принимать городским властям в борьбе с ледовым нашествием:

«Некоторые дома в поселке Снежный теперь выглядят как гигантские ледяные блоки. Лед заполнил некоторые помещения в до-

мах до потолка. Грунтовые воды продолжают подниматься на поверхность. Их потоки разрушают дома и замерзают, превращая жилища людей в ледяные дома... Мэр города распорядился временно расселить обитателей ледяных домов по общежитиям и незаселенным квартирам в городе, независимо от их принадлежности... Пришлось выкатить бульдозеры, чтобы взломать лед на улицах, но большая вода все еще продолжает поступать, превращая поселок в гигантский ледяной город»²⁵.

Регионы, официально классифицируемые как «северные», получили право на федеральное дотирование, которое осуществляется под контролем Госкомсевера в форме поставок топлива и продуктов питания в зимнее время. Российские источники утверждают, что каждый постоянный житель Севера с учетом субсидий обходится российскому государству вчетверо дороже жителя европейской части России²⁶. И тем не менее федеральные субсидии в форме северных поставок не считаются адекватными потребностям Севера. В 2001 году Валентина Пивненко, глава комитета по проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной думы, соотнесла нужды Севера с текущими затратами: когда необходимые поставки были оценены в 685 миллионов долларов, фактические федеральные дотации составляли всего 224 миллиона²⁷. Это существенно обременяет скудные региональные бюджеты. Морозова подсчитала, что на Таймыре пришлось использовать свои собственные фонды для покрытия до 60 процентов затрат на зимнее топливо и поставки продуктов питания в 2000 году²⁸. Необходимость покрытия разницы между федеральными субсидиями и реальными затратами вынуждает региональные власти на самостоятельные и не всегда разумные меры. В 2002 году, например, власти Иркутска, изыскивая возможности покрыть возрастающие зимние затраты на топливо, стали передавать находящиеся в собственности государства доли в местном бизнесе российским поставщикам энергии в обмен на списание задолженности за топливо²⁹.

Чтобы разобраться во всевозможных и зачастую противоречивых оценках затрат на Севере, эксперты Всемирного банка попытались в 1998 году подсчитать общую стоимость дополнительных (по сравнению с остальной Россией) затрат российской финансовой системы на поддержку Крайнего Севера. Они включали в себя как прямые затраты (затраты регионального и федерального бюджетов и внебюджетные фонды), так и затраты в форме неплатежей различных налогов. Вывод Всемирного банка был следующим: в 1995–1997 годах Россия тратила целых 2–3 процента своего годового ВВП на поддержку населения на Севере³⁰.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

По мере роста задолженности за топливо продукты питания на российском Севере становились недоступно дорогими. В августе 2002 года, в то время как, судя по отчетам, средняя месячная стоимость минимальной потребительской корзины продуктов питания в России снизилась в некоторых регионах европейской части и держалась на уровне 995 рублей по стране в целом, – в большинстве самых отдаленных регионов на Севере и Дальнем Востоке она достигала максимума. В Анадыре на Чукотке продукты питания стоили 2823 рубля – значительно дороже, чем где-либо еще в России. За Анадырем следовали Петропавловск-Камчатский (1762 рубля) и Магадан (1601 рубль). Для сравнения, средняя стоимость корзины продуктов питания в Москве составляла 1244 рубля, а в Санкт-Петербурге – 1047 рублей³¹. В этом отношении российский Север отличается от других отдаленных и холодных ресурсных регионов в Соединенных Штатах, Канаде и Скандинавии. Хотя затраты на продукты питания в таком городе, как Анкоридж на Аляске, например, могут быть сравнительно выше, чем в Лос-Анджелесе на Юге США, а стоимость проживания в Анкоридже и других городах Аляски может быть относительно высокой по сравнению с США в целом, – фактически они все же значительно ниже, чем затраты в Нью-Йорке, самом дорогом среди американских городов³².

Кроме проблем с покрытием затрат на ежегодные зимние поставки топлива и продуктов питания, на российском Севере почти нет инвестиционного капитала для оживления промышленности и государственной поддержки муниципальной инфраструктуры в рабочем состоянии. Согласно подсчетам региональной администрации, в 2001 году, например, самому развитому региону Севера – Мурманской области – требовалось не менее 70 миллиардов долларов только на модернизацию устаревшего коммунального хозяйства³³. Жилищный фонд и муниципальная инфраструктура (включая газопроводы и водопроводы) были чрезвычайно изношены во всех северных территориях. Кроме того, в северной экономике доминируют нефтедобыча и другие отрасли добывающей промышленности, а активность обрабатывающей промышленности низка и мало перспектив для стимулирования нового промышленного развития в отдаленных регионах – особенно из-за того, что производственные затраты в промышленности там на 20–30 процентов выше, чем в остальной России³⁴. В то время как Мурманск пользовался преимуществами своей близости к Скандинавии и, в какой-то степени, инвестициями из Швеции и других стран, значительно более удаленные от Европы и европейской части России северные регионы не привлекали иностранных инвестиций, кроме кредитов финансо-

вых учреждений вроде Европейского банка реконструкции и развития³⁵. Поэтому Север после развала СССР, судя по всему, находился в безнадежном положении и нуждался в радикальном вмешательстве извне. Одна из форм такого вмешательства – программа Всемирного банка, предложенная в 2001 году.

Всемирный банк и проект «Реструктуризация Севера»

В июне 2001 года в ответ на обращение российского правительства с просьбой оказать содействие в решении проблем Севера, Всемирный банк утвердил четырехгодичную пилотную программу в 80 миллионов долларов³⁶. Целью программы было оказание помощи в переселении некоторых самых бедных россиян (особенно пенсионеров и семей с маленькими детьми), проживающих на «нежизнеспособных» северных землях, а также в содействии экономической реструктуризации Севера. Проект «Реструктуризация Севера» был запущен летом 2002 года после годичной подготовки и урегулирования разногласий по его условиям между сторонами. На начальной стадии проекта были выбраны три административных центра и города в регионах вблизи Северного полярного круга: Сусуман (Магаданская область), Норильск (Таймырский автономный округ)* и Воркута (Республика Коми) – центры, соответственно, золотодобычи, производства никеля и угледобычи.

Задачами программы были: оказание финансовой поддержки желающим переселиться; финансирование сноса ветхого жилищного фонда и инфраструктуры; помощь местным властям в модернизации управления в области муниципальных услуг для остающегося населения; оказание содействия федеральному правительству в дерегулировании региональных экономик. Проектом предусматривалось переселение свыше 27 000 человек: до 6000 человек из района Сусумана, до 15 000 человек из Норильска и 6500 человек из Воркуты. Желающим переехать полагались подъемные, включая жилищные сертификаты на покупку жилья в других российских регионах, и оплата стоимости проезда поездом или авиaperелета для их семей, а также перевозки имущества. Предусматривалось снабжение будущих мигрантов информацией о возможностях переселения, включая наличие жилья, работы и социального обеспечения в потенциальных принимающих регионах³⁷. Принимающие регионы не были перечислены в программе, так как лю-

* Хотя Норильск и расположен на Таймыре, он подпадает под непосредственную административную и экономическую юрисдикцию Красноярского края.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

дям было предоставлено право *самостоятельного* выбора их нового места проживания. Но в прессе указывалось, что все они будут жить на «материке»³⁸. На Севере, однако, понятие «материк» трактуется шире, чем территория Европейской России. Это вполне мог бы быть другой более крупный, но северный или сибирский город, например, Красноярск, куда можно добраться по железной дороге, автотрассе и регулярными авиарейсами, а не только вертолетом или по реке.

Города, намеченные в программе Всемирного банка для отселения жителей в 2001–2002 годах, Сусуман, Норильск и Воркута, служат явным примером размещения городов, где их никогда не возникло бы, не будь они «северными грезами» Госплана (и кошмаром рядовых советских граждан). Заселенный, индустриализированный Север – это прощальный дар ГУЛАГа современной России: ведь все эти города являлись либо бывшими трудовыми лагерями, либо конгломератами лагерей (см. блок 7-1).

Блок 7-1. Север – подарок ГУЛАГа России

Справочник, подготовленный в 1998 году российской общественной организацией «Мемориал», предлагает полное и детальное описание деятельности лагерей в Сусумане, Норильске и Воркуте, тщательно отобранное из документов НКВД, МВД и других советских государственных учреждений^{1*}.

Сусуман создан в 1949 году как подразделение Дальстроя, строительной империи НКВД, решившей открыть доступ к ресурсам российского Дальнего Востока. Лагерь Сусуман был учрежден для разработки ряда месторождений золота и оловянной руды, строительства необходимых перерабатывающих предприятий и работы на рудниках. Закрытый в 1956-м, во время своего расцвета в 1951 году Сусуман насчитывал свыше 16 000 заключенных-работников^{2*}.

Норильск состоял из ряда трудовых и строительных лагерей, функционировавших с июня 1935 года по август 1956 года. Вначале численность заключенных была невелика, порядка 1200 человек в октябре 1935 года, но к 1951 году доходила до 72 500 человек. Строительные лагерные бригады построили гигантский завод «Норильский никель», другие обслуживавшие его небольшие перерабатывающие заводы, сам город Норильск, основную часть его инфраструктуры. Заключенные добывали и перерабатывали местные ресурсы, включая золото, кобальт, платину и уголь, производили цемент и вообще являлись источником рабочей силы для целого ряда местных отраслей промышленности^{3*}.

В Воркуте было 11 лагерей, в разное время располагавшихся в ее окрестностях. Некоторые из них были созданы в 1930 году целевым назначением для разработки отдельных рудных месторождений вблизи Северного полярного круга, строительства железнодорожных линий, дорог, портов и обеспечения заводов рабочей силой. Один из самых крупных лагерей, созданный в мае 1938 года и проработавший вплоть до января 1960 года, направлял рабочую силу для добычи угля в бассейне Печоры, выработки молибдена и строительства домов и дорог. Пик численности его заключенных составил в 1951 году почти 73 000 человек^{4*}.

Глава 7. Много ли изменилось?

В статье о развитии Воркуты за 2001 год, написанной сразу же после обнародования программы Всемирного банка по переселению и реструктуризации Севера, журналист и историк ГУЛАГа Энн Эпплбаум отмечала: «Хотя царям было известно о несметных запасах угля в регионе, ни одному из них и в голову не приходило детально разрабатывать способ извлечения угля из недр в условиях явно кошмарных для проживания в том месте, где зимняя температура регулярно опускается до -30° или -40° ... Но Сталин нашел способ – путем извлечения пользы из неисчислимых ресурсов другого рода... заключенных»^{5*}.

Далее Эпплбаум обращает внимание на то, что «дальнейшее существование заключенных поддерживалось только благодаря неспособности Советского Союза принимать во внимание такие вещи, как затраты и прибыль. В 1960–1970-х годах, после закрытия лагерей ГУЛАГа, Воркута из трудового лагеря превратилась в типичный советский город с двухсоттысячным населением. Она стала привлекательной из-за введения ряда социальных коммунальных удобств (детские сады, спортивные сооружения, музеи) и начисления более высоких зарплат шахтерам в качестве компенсации за суровый климат. И тем не менее Воркута сегодня, спустя 70 лет после прибытия первых заключенных, постепенно деградирует. «Мало-помалу Воркута будет уменьшаться и затем может совсем исчезнуть, погружаясь обратно в тундру, из которой она недавно возникла»^{6*}.

^{1*} Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник/Под ред. М. Б. Смирнова. М.: Звенья, 1998.

^{2*} См. там же. С. 224: 102. Западный ИТЛ Дальстроя (Заплаг, Западное ГПУ и ИТЛ, Западный ИТЛ, УСВИТЛа).

^{3*} См. там же. С. 338–339: 257. Норильский ИТЛ (Норильлаг, Норильстрой).

^{4*} См. там же. С. 179–180: 49. Вайгачская экспедиция ОГПУ (Вайгачский ОПЛ); с. 192–193: 64. Воркутинский ИТЛ (Воркуто-Печерский ИТЛ, Воркутпечлаг, Воркутлаг, Воркутстрой); с. 225–226: 104. Заполярный ИТЛ и Строительство 301 (Заполяряг, Полярный ИТЛ).

^{5*} *Anne Applebaum*. The Great Error: On the Wretched Folk Who Refuse to Leave the City Built on the Bones of Stalin's Victims, Vorkuta // *Spectator*. 28 July 2001. P. 18–19.

^{6*} *Ibid.*

По всей Сибири и на Дальнем Востоке мигранты не замедлили уехать прочь из мест, подобных Воркуте, как только им представилась такая возможность. Проект Всемирного банка просто придал этому движению дополнительный импульс. Однако открытым остается вопрос: куда переезжают люди, когда они покидают отдаленные северные поселения? Действительно ли они навсегда уезжают из региона в теплые, более производительные районы Российской Федерации, действительно ли все «взяли курс на запад», как утверждали обозреватели? К сожалению, даже при наличии некоторой статистики по миграции, которая могла бы помочь проследить, кто переезжает, откуда и куда, полную картину составить невозможно. Однако, как и в случае с Северным Кавказом, можно проследить отдельные эпизоды миграции, которые позволяют предположить, что в 1990-х годах с Севера в южную часть России переехало не слишком много людей.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

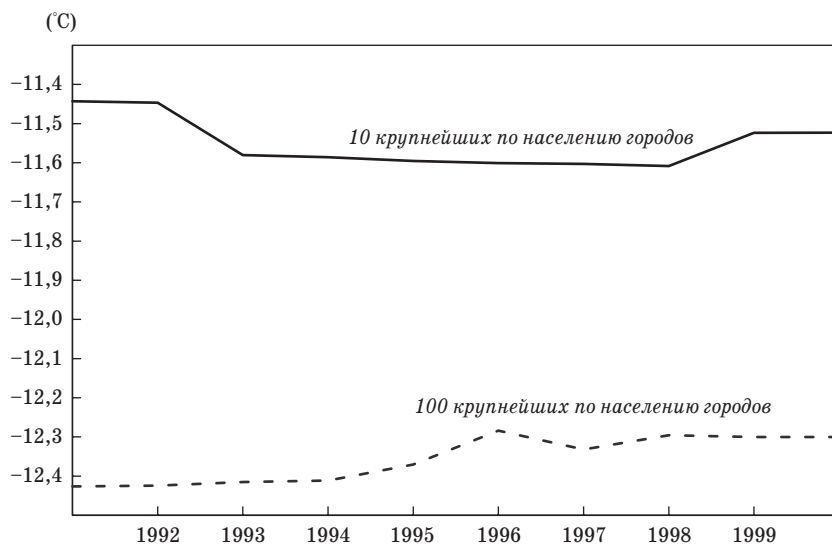
ТДН и российская миграция в 1990-х годах

Если россияне и в самом деле в массовом порядке переезжают в теплые места – пусть даже не на юг, а в другое место европейской части России, – то можно было бы увидеть позитивные изменения в средневзвешенной по числу населения температуре страны (ТДН: см. приложение Б). Новости неутешительны: график 7-1 показывает, как изменилась ТДН в основных городских регионах. Спустя более десяти лет после развала СССР и роспуска Госплана в десяти крупнейших городах наблюдалась лишь небольшая подвижка ТДН (фактически отмечается легкое похолодание)*. Хотя более значительное изменение ТДН в сторону потепления и отмечалось по 100 крупнейшим городам: с $-12,43^\circ$ до $-12,30^\circ$, – вспомним, что это произошло за десятилетний период. Все это еще весьма далеко от показателя, необходимого для реальной корректировки среднего показателя неэффективного размещения российского городского населения. К тому же важно отметить, что изменение по ста крупнейшим городам почти целиком может быть отнесено на счет незначительного изменения размера одного-единственного города, Норильска. Находившийся в списке на сотой позиции в 1995 году, он потерял около 3000 человек и потому опустился ниже, чего оказалось достаточно для того, чтобы отразиться на графике 7-1. Между тем другие города, дающие понижение коэффициента ТДН в России – Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и другие, перечисленные в таблице 3-3, – не уменьшились в размерах относительно общей численности городского населения России.

Большинство аналитиков полагают, что российские мигранты в 1990-х годах следовали тем же тенденциям, что и в других частях света, – переезжали из *морозного пояса* (в данном случае, пояса вечной мерзлоты) в *солнечный пояс*. На самом деле данные по ТДН указывают на несколько иное направление. Большинство российских мигрантов 1990-х годов не доезжали до солнечного пояса. Вместо этого они переезжали из пояса вечной мерзлоты в *холодный пояс* – иначе говоря, из экстремально холодных мест в менее холодные места. Они переезжали в основном из отдаленных поселков и малых городов на Севере или на Дальнем Востоке в более крупные поселения, зачастую в том же самом регионе. Они также переезжали в города на Урале и в Западной Сибири (регионы, которые влек-

* Два самых больших изменения – падение в 1993 году и подъем в 1998 году – легко объяснимы. В 1993 году Уфа (январская температура -13°) потеснила Саратов (-11°), под номером 10 в списке. В 1998 году Казань (-13°) заменила Челябинск (-15°).

График 7-1. Температура на душу населения (ТДН) в главных российских городах, 1991–2000 годы

Источник: Подсчеты авторов. Формулировку ТДН см. в приложении Б.

ли к себе мигрантов из европейской части России в эпоху царизма, до того как советское планирование стало засылать людей гораздо дальше), в такие города, как Иркутск, Якутск, Красноярск, Омск, Новосибирск, Челябинск, Пермь и Екатеринбург. Из всех этих городов, однако, в тот период постоянный рост численности населения наблюдался лишь в Красноярске. В Якутске происходили колебания от роста к спаду и снова к росту, а прочие города закончили десятилетие спадом. В большинстве случаев миграция была не настолько значительной, чтобы противостоять естественной убыли населения за счет его старения.

Как говорилось ранее, истинная российская проблема с холодным климатом (при наличии экономической активности в очень холодных местах) не в том, что численность населения самых северных городов велика (она мала), а в том, что эти города в регионах Западной Сибири и на Урале *слишком велики*. Перемещение населения, ведущее к наплыву большого количества мигрантов с Крайнего Севера в крупные города, главные вкладчики в низкую российскую ТДН (снова см. таблицу 3-3), не решает проблем, связанных с холодом. Россия почти не «разогрелась». Красноярск, пе-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

реживший рост численности населения в 1990-х годах, с его среднемесячной январской температурой в -17° входит в первый десяток городов, понижающих коэффициент ТДН.

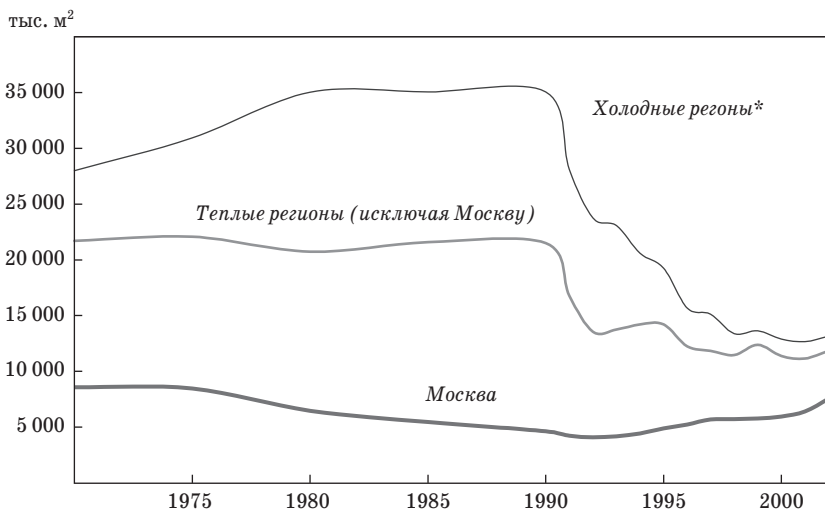
Итак, изменения в ТДН, произошедшие с 1991 года, показывают, что, хотя Россия и «разогревается», происходит это чрезвычайно медленно – частично из-за тех мест, куда переселяются россияне. Хотя незначительное потепление России и имело место в результате миграции первой половины 1990-х, во время наиболее драматического периода исхода с Севера и Дальнего Востока, темпы потепления с тех пор ощутимо замедлились. При современных темпах потребуется более ста лет на возврат российской ТДН на тот же уровень, на котором она была в 1926 году – до начала советского вынужденного исхода из европейской части России на Урал и за его пределы.

Уменьшение расстояний посредством новой инфраструктуры?

К сожалению, и в 1990-х годах прогресс в уменьшении физического расстояния между городами почти не наблюдался. Несмотря на строительный бум и развитие инфраструктуры, это развитие носило скорее региональный, нежели межрегиональный характер. Как мы уже отмечали, уменьшение расстояния и перестройка российской экономики – вопрос не только одного совершенствования инфраструктуры, но еще и изменения концентрации населения. Появились региональные авиакомпании, например «Сибирские авиалинии», предназначенные для того, чтобы удовлетворять растущий спрос на быстрое сообщение между европейской частью России (главным образом Москвой) и разбросанными по региону городами за Уралом. В пик летнего сезона «Сибирские авиалинии» осуществляют по 300 рейсов к 50 пунктам назначения в неделю³⁹. Полная электрификация Транссиба позволила более быстрым поездам на электрической тяге следовать по всему маршруту⁴⁰. Кроме того, в 2002 году российское правительство объявило о завершении к 2004 году строительства автомагистрали от Санкт-Петербурга до Владивостока, которая позволит перевозить грузы через всю Россию примерно за десять дней⁴¹. В некоторых российских регионах наблюдался рост в жилищном строительстве, хотя эту отрасль за десятилетие неоднократно лихорадило из-за нестабильной экономической обстановки в России и федерального финансирования строительства⁴². Большая доля этого строительства, однако, пришлась на Москву (см. график 7-2).

Москва строит третье транспортное кольцо стоимостью почти в 100 миллионов долларов за километр⁴³. В Санкт-Петербурге в

График 7-2. Жилищное строительство в России, 1970–2002 годы

Источники: Данные по жилищному строительству за 1970–2000 годы – Российский статистический ежегодник. 2001. С. 441–442; за 2001 год – Статистический отчет Интерфакса. № 7. 2002.; за 2002 год – Статистический отчет Интерфакса. № 7. 2003.

* Холодные регионы – те регионы, где ТДН ниже национальной российской ТДН, а теплые – те регионы, где ТДН выше нее.

2003 году было начато строительство новой кольцевой автодороги, приуроченное к трехсотлетию города⁴⁴. В Москве было завершено строительство двух новых станций метро, и другие новые наземные и подземные станции на подходе⁴⁵. В Омске, Челябинске, Красноярске, Уфе и Казани тоже стали рыть землю под свои собственные системы метрополитена⁴⁶. Все эти достижения, однако, мало способствовали реконструкции связей в России, хотя в какой-то мере они и улучшили каналы общения и перспективы для мигрантов по подысканию себе жилья в некоторых городах. А на Севере даже самые большие города (такие как Норильск) по-прежнему обслуживаются только самолетами (или по воде летом). Там нет железных дорог или основных автомагистралей, которые соединили бы их с остальной территорией страны, тогда как авиабилеты продолжают оставаться недоступно дорогими для большинства жителей отдаленных городов.

Российские географы и экономисты продолжают считать, что главные экономические проблемы связаны с расстояниями между основными городскими регионами и недостаточной степенью развития коммуникационной инфраструктуры между ними. По мнению

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Григория Иоффе и коллектива российских ученых, высказанному в конце 1990-х годов, Россия – это «фрагментированное пространство. Ее территория напоминает архипелаг: разрозненные зоны интенсивного использования в море социального застоя и упадка»⁴⁷. Иоффе и его коллеги рассказывают о том, как «обширные размеры страны, неравномерное распределение ее населения... и сильное «торможение» расстоянием из-за незначительности доли личного автотранспорта и ненадлежащей системы автодорог усугубляют взаимную разобщенность между кластерами населения и различие в развитии их самих»⁴⁸. Города в России, утверждают они, являются «оазисами в сельской бескрайности». Они, по большей части, не в состоянии распространять свое влияние и услуги на пространство в промежутках между ними или служить центрами притяжения и поставщиками товаров, услуг и информации для страны в целом⁴⁹. Зоны непосредственного влияния вокруг административных центров и городов традиционно невелики по всей Российской Федерации. Всего в 150 километрах от таких крупных городов, как Москва и Санкт-Петербург, витает дух «периферийности» и «ощущение пребывания в самой глуши», несмотря на фактическую близость к этим демографическим центрам⁵⁰. Иоффе утверждает, что на долю территорий, которые оказались отрезанными от связи с демографическими центрами или «отодвинутыми от них расстояниями», приходится до двух третей РФ, или десять миллионов квадратных километров⁵¹.

Уменьшение расстояния посредством новых технологий?

В условиях физического отсутствия автотрасс и новых железнодорожных и авиационных маршрутов развитие сверхскоростных способов передачи информации в 1990-х годах пробудило большие ожидания в России. Многие считали новые телекоммуникационные технологии и Интернет средством реорганизации связи в самой России и с внешним миром. Однако, подобно развитию физической инфраструктуры и российскому строительному буму, большая часть этих новых технологий служила только укреплению позиции Москвы как главного связующего звена всей РФ, а не соединению разрозненных российских городов.

Использование сотовых телефонов резко возросло в 90-х годах, помогая преодолевать ограничения устаревшей системы связи в стране. Однако новая телекоммуникационная сеть охватывает только крупные города, в основном в европейской части России. В то время как Москва и окрестные регионы насыщены поставщи-

ками сотовой связи, области за Уралом охвачены этой сетью незначительно. На деле сотовые телефоны потеснили обычные линии связи в ущерб большинству населения. Обеспеченные слои населения и наиболее богатые регионы процветают, в то время как традиционный социальный сектор обслуживания игнорируется⁵². Согласно сайту МТС, одного из крупных поставщиков услуг сотовой связи, использование сотовых телефонов в Екатеринбурге, Новосибирске, Омске, Ростовской области, Алтайском, Краснодарском и Хабаровском краях, Адыгее и Северной Осетии-Алании требует за действия услуг международного и национального роуминга.

Тогда как использование компьютеров возросло с незначительного процента в 1991 году почти до 25 процентов всего населения в 2001 году, доступность и влияние информационной и телекоммуникационной технологий в России оставались незначительными в 2000–2002 годах⁵³. По большей части это результат недостаточности телекоммуникационной инфраструктуры, а также малого числа персональных компьютеров – всего четыре на сто жителей. Несмотря на быстрые темпы роста в предыдущие годы, использование Интернета также оставалось довольно незначительным: всего чуть более 4,3 миллиона регулярных (а не случайных) пользователей в начале 2002 года⁵⁴. Это тоже было характерно только для главных городов – с преобладанием доступа для москвичей и петербуржцев⁵⁵. Помимо домашнего использования, доступ населения к Интернету был ограничен, не считая Интернет-кафе и отдельных почтовых отделений. Из 40 000 российских почтовых отделений в 2002 году доступ к Интернету предлагали всего 2200. А после изучения положения дел с Интернетом российским правительством в сентябре 2002 года выяснилось, что доступом к Интернету на этих почтовых отделениях воспользовались лишь 240 000 человек (менее 0,2 процента от численности населения). Только малая толика почтовых отделений с доступом в Интернет находилась за пределами крупных городов в сельских регионах⁵⁶. Во многих российских административных центрах и городах потенциальные потребители Интернета испытывают острую насущную потребность в нем на рабочих местах, в вузах и школах⁵⁷. Несмотря на некоторый прогресс, Россия все еще находится в ожидании электронного общения как через виртуальное, так и через физическое пространство.

Замедление миграции посредством технологии?

Одним из основных аргументов в пользу виртуальных и электронных видов связи в России является то, что они будут якобы стиму-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ликовать развитие новой высокотехнологичной промышленности в сибирских городах. Утверждается, что, превратив Сибирь в «Кибири», соединив ее жителей с остальной Россией и миром, можно будет приостановить исход людей из этих городов, а также из более отдаленных мест региона. Интернет и иные телекоммуникационные новшества рассматриваются как механизм продвижения информации, товаров и услуг в Сибирь. Преобладание квалифицированных рабочих и, особенно, высокая степень концентрации исследователей и ученых в прежних закрытых советских ядерных городах позволяют некоторым оптимистам усматривать в Сибири российскую версию калифорнийской Силиконовой долины*⁵⁸.

Сибирь – не единственный холодный и отдаленный регион в мире, мечтающий о высокотехнологичном будущем. Рассмотрим аналогичную идею стимулирования нового экономического роста в равнинных американских штатах (см. блок 7-2). Как и проект преобразования американских федеральных фермерских субсидий в субсидирование высокотехнологичного бизнеса, предложение по «Кибири» или «Сибирской Силиконовой долине» целиком и полностью зависит от привлечения федеральных средств, которых в России немного. Даже если бы их было достаточно, представляется маловероятным, что одних только Интернет-кафе в каждом административном центре и городе России, доступа к Интернету в каждом сельском почтовом отделении и школе или притока новых промышленных технологий в Сибирь будет достаточно для обеспечения экономического развития и удержания населения на месте – особенно там, где людей вообще не должно было быть в большом количестве с точки зрения экономической географии.

Блок 7-2. Внедрение высоких технологий в Северной Дакоте

В июле 2002 года в комментарии по уменьшению сельской Америки (газета «Вашингтон пост») Джоел Коткин (Joel Kotkin), автор книги «Новая география: Как цифровая революция меняет американский ландшафт», писал: «Угасание, уменьшение численности населения и медленная интеграция не неизбежны. Их можно предвосхитить и повернуть в обратном направлении путем изменения политики – изменения, которое направлено на придание свежих сил сельским регионам не путем предоставления субсидий существующей экономике и элитам, а путем изыскания способов привлечения новых сил и отраслей промышленности и поощрения наиболее энергичного местного населения, особенно молодежи, там оставаться». Он приводит доводы в пользу того, чтобы в США федеральные прави-

---

* С и л и к о н о в а я д о л и н а – местность на Западе США, штат Калифорния. Центр по производству изделий микроэлектроники, компьютеров, информационных систем и программного обеспечения. (*Прим. ред.*)

Глава 7. Много ли изменилось?

тельственные субсидии для сельских экономик направлялись «в целевые венчурные фонды, строительные гранты и помощь в создании технической инфраструктуры... и новые телекоммуникационные технологии, которые позволили бы... поселениям участвовать в глобальной информационной экономике».

Коткин отмечал, что в 1990-х годах небольшие города во многих «малоблагоприятных сельскохозяйственных регионах» США – такие как Сиу-Фолс в Южной Дакоте, Айова-Сити, Бисмарк и Фарго в Северной Дакоте, – превратились в центры высокотехнологичных компаний. Далее он говорит, что небольшие поселения в окрестностях этих городов тоже в состоянии стать «центрами новой экономической деятельности».

Источник: *Joel Kotkin. The Decline of Rural America. If We Let Rural America Die, We Shall Lose a Piece of Ourselves* // Washington Post. 21 July 2002. Outlook Sectio. Commentary. P. B1.

Даже в Соединенных Штатах прогнозы, что Интернет и новая технология будут препятствовать сокращению численности сельских жителей или поощрять людей переезжать в более отдаленные регионы в поисках работы, так и не осуществились. В ноябре 2002 года в интервью газете «Нью-Йорк таймс» основатель компании «Майкрософт» и филантроп Билл Гейтс отмечал, что, несмотря на его собственные ожидания и пожелания, равно как и ожидания и пожелания других, его предсказание, что Интернет приостановит исход из сельской Америки, так и не сбылось: «Я думал, что цифровые технологии в конце концов повернут вспять урбанизацию, но пока этого не произошло»⁵⁹. Пока благотворительный фонд Гейтса одаривал более 95 процентов публичных библиотек по всей Америке свободным доступом к Интернету в 1990-е годы, многие сельские регионы, которых эти библиотеки обслуживали, продолжали терять жителей⁶⁰.

Важность физических контактов

Факт остается фактом: несмотря на преимущества электронного общения, физические контакты еще не потеряли своего значения в начале XXI столетия – как, впрочем, уровень жизни и ее качество. Подключение к информационным источникам по всему миру не сделает Сибирь, или Дальний Восток, или даже отдаленные регионы США желанным местом для проживания. Это может сделать жизнь несколько более сносной, но не повысит среднюю январскую температуру города вроде Новосибирска. Это не принесет продукты питания и предметы длительного пользования в Анадырь или Магадан, не уменьшит расстояние между Хабаровском и Москвой... Сибирским предпринимателям, например, приходится все время

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

летать в Москву для закупки и доставки товаров⁶¹. Только некоторые виды работ могут осуществляться через Интернет. Очевидно, что России еще далеко до того времени, когда расширяющиеся коммуникационные связи снимут ограничения, налагаемые расстоянием. Тем временем отдаленные и холодные регионы продолжают оставаться непривлекательными для новых мигрантов.

В США комфорт и удобство местоположения – так называемые местные удобства (location amenities) – сейчас важны как никогда, особенно для американцев, представляющих «творческий класс». Это как раз люди, населяющие высокотехнологичные Силиконовые долины и Исследовательские парки (например, Research Triangle Park в Северной Каролине). Экономист Эдвард Глейзер (Edward Glaeser) говорил о подвижке от производственных городов к «городам потребителей» в новой американской экономике: «Насколько важна производственная сторона, настолько же будущее большинства городов зависит от того, желают ли там проживать потребители»⁶². В Соединенных Штатах города типа Сан-Франциско всегда имеют конкурентные преимущества над городами, подобными Детройту (не говоря уже о Фарго). Так же и в России Москва всегда имеет конкурентные преимущества над Новосибирском и фактически над большинством городов России.

Неизменная важность физических контактов укрепляет Москву как город-центр Российской Федерации. В Москве работает то, чего не хватает остальной России, – коммуникаций, связей, услуг, роста новых технологий и новых отраслей промышленности, нового жилищного фонда и так далее. В соответствии со старой поговоркой «Все пути ведут в Рим», большинство дорог и других средств коммуникации в России ведут в Москву, «третий Рим», или проходят через нее. Подчеркнем еще раз, привлекательность и рост Москвы вовсе не означают, что Россия изменилась. Москва всегда была городом с самыми обширными связями на всей территории, занимаемой Советским Союзом. Она, по словам российского географа Владимира Каганского, и в самом деле является «государством в государстве», «столицей вне страны»⁶³. Каганский отмечает: «Граница между РФ и Москвой сильнее и заметнее, нежели большая часть государственной границы РФ»⁶⁴.

1990-е годы – десять лет медленных перемен

В заключение отметим, что 1990-е годы ознаменованы некоторыми позитивными изменениями в унаследованной Россией экономической географии. Был задействован ряд программ, включая и

Глава 7. Много ли изменилось?

программу, поддержанную Всемирным банком, цель которых – помочь людям уехать из холодных отдаленных регионов. К концу десятилетия, в 2000–2002 годах, ответственные члены российской правительственной экономической группы – премьер-министр Михаил Касьянов и глава МЭРТ Герман Греф – тоже стали выражать озабоченность бременем, которое накладывает содержание Сибири на российскую экономику. Им либо очень не хотелось поддерживать статус-кво, либо они были откровенно против того, чтобы продолжать закачивать ресурсы федерального правительства в регион, предпочитая предоставить ему возможность или пойти ко дну, или выплыть за счет своих собственных ресурсов⁶⁵. Однако четкой политики продолжает не доставать. Даже если политика будет выработана, она может дать сомнительные результаты – подобно программам переселения «Крайний Север», направленным на перемещение людей в крупные города восточнее Урала, а не в теплые, потенциально более благоприятные регионы на западе. Тем временем региональные сибирские лидеры противятся, что и не удивительно, усилиям федерального правительства, направленным на снижение потока субсидий или перекрытие крана этому потоку (см. главу 8), реанимируя мысль, что «если здорова Сибирь, здорова и Россия»⁶⁶.

Повсеместно скорость изменений в России была слишком малой для того, чтобы повернуть вспять процесс переселения людей и промышленности, который «морозил» и разобщал людей на протяжении всего XX столетия. Россияне продолжают желать мобильности, и миграция людей из регионов восточнее Урала как раз подтверждает предположение, что их там изначально не должно было быть. Как отмечала Энн Эплбаум в своей статье «Великая ошибка», люди были согнаны со своих насиженных мест, чтобы работать «на заводах и в мастерских, созданных для поддержки цивилизации, которую никогда не следовало бы насаждать в этом непригодном для жилья месте»⁶⁷.

Ошибка российского правительства, осложняющая теперешнюю ситуацию, заключается в том, что оно хочет оставить большую часть этих «пересаженных» людей на прежних местах или переселить их туда, куда пожелает государство. Видимо, оно не желает свободного передвижения людей в Москву или куда-нибудь еще в России. Отношение российской политической элиты и населения к Сибири как к главному фактору эволюции российского государства представляется не меньшей помехой продвижению вперед, чем объективные проблемы, связанные с исправлением последствий советского неэффективного размещения ресурсов в прошлом. Такое отношение очень сложно, но все же можно и необ-